

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Д.Ю. Карасев

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ МАЙКЛА МАННА

Майкл Манн — один из ведущих современных исторических макросоциологов. Согласно его теории источников социальной власти, общества являются не структурированными и унитарными системами, а нежесткими композитами из накладывающихся, пересекающихся и несовпадающих сетей власти. Власть — это универсальное средство для достижения любых человеческих целей путем овладения окружающей средой. Власть не сводится к ее эксплуататорскому аспекту, сотрудничество позволяет увеличить коллективную власть над третьей стороной или над природой. Выделяются четыре измерения власти: авторитетность, диффузность, интенсивность, экстенсивность, характеризующие централизованную / децентрализованную природу субъекта власти, широту / глубину воздействия власти. Четырьмя источниками власти выступают: идеологические, экономические, военные и политические отношения кооперации или конфликта между людьми. На протяжении истории происходит развитие социальной власти (возможностей) человечества. Это развитие носит не эволюционный, а «интерстициальный характер», который обусловлен несовпадением сетей власти, несовершенством перехода человеческих целей в организационные средства, непреднамеренными последствиями социального действия, историческими случайностями.

Одной из центральных тем исторической социологии Манна выступает исторический рост мощи и трансформация государств, а также влияние, оказываемое этим процессом на все прочие организации власти. В обмен на рост возможностей цивилизация и государство запирают прежде подвижное население в «клетку». Возникновение первых государств связано с аккумуляцией, централизацией и защитой ресурсов ирригационного земледелия и торговли поблизости. Последующая диалектика древних империй «принудительной кооперации» и «цивилизаций с множеством акторов власти» развивает экстенсивную и интенсивную

Карасев Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической и социальной истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (dk89@mail.ru)

Karasev Dmitry — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Research Assistant, Laboratory for Social and Economic History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (dk89@mail.ru)

власть государств, соответственно. Транснациональная идеология мировых религий (в частности христианство) привносит нормативное регулирование в геополитические отношения между феодальными государствами. Возросшая сплоченность правящих классов и «военная революция», увеличившая потребности в экономических и людских ресурсах, толкают государства к проникновению вглубь гражданского общества, т. е. повышают его «инфраструктурную власть» ценой ослабления «деспотической власти» и относительной автономии.

Ключевые слова: Майкл Манн, историческая социология, власть, сети, государство, цивилизация, империя.

Майкл Манн — один из ведущих и авторитетнейших современных исторических макросоциологов. Однако на настоящий момент в отечественной науке его работы не столь широко известны и признаны, как работы И. Валлерстайна, Ч. Тилли, Р. Коллинза, Т. Скочпол, Б. Мура и других выдающихся исторических социологов. М. Манн — заслуженный профессор социологии университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, автор фундаментального четырехтомного историко-социологического исследования «Источники социальной власти» (Mann 1986; 1993; 2012; 2013), а также таких книг, как «Некогерентная империя» (Mann 2003), «Фашисты» (Mann 2004). Его работа «Темная сторона демократии» (Mann 2005) в 2006 г. была удостоена премии Баррингтона Мура, которой Американская социологическая ассоциация награждает лучшие книги по сравнительно-исторической социологии. Коллега и критик Манна Дж. Холл считает его «Максом Вебером нашего поколения» (Холл 2014: 7).

Свой социологический путь М. Манн начинает как эмпирический количественный исследователь регионального британского рабочего движения (Mann 1973). Однако вскоре преподавание курса по истории теоретической социологии в университете Эссекса, а позднее курса «Паттерны истории» в соавторстве с Э. Геллнером в Лондонской школе экономики ставят перед ним фундаментальные теоретические вопросы. В частности, вопрос о первопричинности, или, как еще называет его Манн, «вопрос Энгельса»: детерминирует ли экономическая сфера или какая-либо иная все прочие сферы общества? (Mann 1974; 1979). Поиски ответа на этот вопрос приводят его к отказу не только от разделения общества на сферы, но и от самого понятия «общества», и, в конечном счете, к написанию основного многотомного труда, в котором его теория источников социальной власти представлена в действии.

Теория источников социальной власти — это не теория общества и не теория основных сфер социальной жизни, а также не теория неких структурно-функциональных комплексов с четкими границами, и не теория институциональных ансамблей, составляющих унитарные, хорошо структурированные социальные тотальности или системы («общества»). На самом поверхностном уровне речь идет о методологической установке, согласно которой, работая с макропроблемами в рамках социальной или исторической науки, необходимо эксплицитно учитывать каузальный вклад в финальный результат всех четырех источников власти: идеологических, экономических, политических и военных

отношений. При этом данная, на первый взгляд, несложная установка веберинского типа, по признанию самого Манна, так и не была формализована им в строгую и отчетливую методологию: «Я просто делаю то, что делаю, особенно не рассуждая о собственном методе» (Mann 1993: vii–viii; подходы к реконструкции метода Манна см.: Jacoby 2004; Bryant 2006). В каком-то смысле такая теоретическая и методологическая неопределенность отражает эклектичность самой социальной реальности, создаваемой сетями власти. Незачем пытаться искусственно, на теоретическом уровне привнести определенность и порядок туда, где его нет.

На более глубоком уровне теория источников социальной власти предполагает разрыв с социологической ортодоксией и отказ от ее основополагающего понятия «общество». Пожалуй, один из самых узнаваемых и широко цитируемых тезисов М. Манна звучит следующим образом: «Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социально-пространственных сетей власти» (Mann 1986: 1). В целом отход от социологической ортодоксии и вытекающая из него специфика подхода М. Манна концептивно изложены в реферате первой главы первого тома «Источников», выполненном Ю.А. Кимелевым (Кимелев 1996).

«Общества не являются унитарными образованиями. Они не являются социальными системами (закрытыми или открытыми); они не являются тотальностями. Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть и “подсистем”, “измерений” или “уровней” такой тотальности. Поскольку нет целого, социальные отношения не могут быть “в основе своей”, “в конечном счете” редуцированы к некому системному свойству целого, как то “способ производства”, “культура”, “нормативная система” или “форма военной организации”. Поскольку нет ограниченной тотальности, не имеет смысла подразделять социальное изменение или конфликт на “эндогенные” и “экзогенные” разновидности. Поскольку нет социальной системы — нет и “эволюционного процесса” внутри нее. Поскольку человечество не подразделяется на ряд ограниченных тональностей, не имеет места и “диффузия” социальных организаций между ними. Поскольку не существует тотальности, индивиды не ограничены в их поведении “социальной структурой как целым”, а потому бесполезно проводить различие между “социальным действием” и “социальной структурой»» (Mann 1986: 1).

Основным понятием социологии М. Манна выступает «власть» (причем, более широкое «power», а не «authority»). Вслед за Т. Парсонсом М. Манн интерпретирует «власть» как «генерализованное средство» для достижения каких угодно целей (Parsons 1968: 263). Еще один известный тезис М. Манна: «люди являются социальными, а не социетальными существами» (Mann 1986: 14), обозначает исходный пункт его рассуждений — людей, преследующих свои цели и отношения (кооперации или конфликта), в которые они вынуждены для этого вступать. При этом важны не сами мотивирующие цели и их происхождение, а ограниченные организационные средства их достижения. Теория источников социальной власти — это организационная, а не мотивационная теория. Вслед за Э. Гидденсом (Giddens 1979: 91) Манн принимает ресурсный подход

к власти, согласно которому ресурсы — это проводники, через которые власть осуществляется. «Власть — это способность преследовать и достигать цели посредством овладения окружающей средой» [природной или социальной] (Mann 1986: 6). «Власть наиболее целесообразно рассматривать как *средства, организацию, инфраструктуру, логистику*» (Ibid: 518).

Социальную, а не социетальную природу человеческих существ М. Манн демонстрирует на примере обществ охотников и собирателей, в которых возникновение цивилизации было скорее «счастливой случайностью», а не правилом (как утверждают эволюционные теории), поскольку они избегали устойчивых кооперационных отношений власти, вступая в них лишь для достижения целей. Как только цели были достигнуты, охотники и собиратели выходили из отношений, в которых больше не было необходимости. Они нуждались только в универсальном организационном средстве, а не в тотальности самой по себе или ощущении принадлежности ей.

Не вступая в длинную дискуссию относительно определений власти (см. напр. Ледяев 2000; Wrong 1979), Манн лишь отмечает, что обычно исследователи сводят власть к ее дистрибутивному аспекту, т. е. власти индивида А над индивидом В. Однако этот аспект должен быть дополнен коллективным, в соответствии с которым люди, сотрудничая, могут увеличивать их общую власть над третьей стороной или над природой. Дистрибутивная, эксплуататорская власть — это всегда «игра с нулевой суммой»: А не может увеличить дистрибутивную власть над В, без того, чтобы последний в ней не потерял. В случае с коллективной, функциональной властью (коллективными возможностями) это не так. В реальных социальных отношениях оба аспекта власти переплетаются.

Таким образом, центральный предмет теории источников социальной власти в *организации, контроле, материально-техническом обеспечении, коммуникации* — в возможностях организовать и контролировать людей, материалы и территории, а также в развитии этих способностей на протяжении истории. Это девелопменталистская, хотя не эволюционная, не телеологическая аналитическая история власти, в рамках которой имели место непреднамеренные скачки, а также циклы и регресс. Одни источники власти обладали более широким социально-пространственным охватом, другие были способны к более глубокому проникновению в повседневную жизнь каждого конкретного актора. Одни источники всегда централизованы и предполагают исполнение приказов, отдаваемых из единого центра, другие — проистекают из роста коллективных возможностей добровольно объединившихся акторов.

Для описания специфики различных источников М. Манн вводит дихотомию экстенсивной и интенсивной власти. «*Экстенсивная власть* обозначает способность организовывать огромное число людей, проживающих на обширных территориях с целью обеспечения минимально стабильной кооперации. *Интенсивная власть* — это способность обеспечить жесткую и подчиняющуюся приказам организацию, отличающуюся высоким уровнем мобилизации, или лояльность ее участников, вне зависимости от размеров территории и количества людей» (Mann 1986: 7).

Два следующих измерения власти: *авторитетная* (досл. «authoritative» — проистекающая из единого центра) власть, проистекающая из централизован-

ного командования и осмысленного подчинения этим командам остальных; и *диффузная* власть, предполагающая более спонтанное, не осмысленное (аффективное, групповое) подчинение, без эксплицитного руководства. Диффузная власть опирается на коллективные представления о том, что те или иные практики являются чем-то естественным, нравственным или производным от самоочевидного общего интереса. Наложение измерений власти дает хорошо узнаваемые идеальные типы или организационные формы.

Четыре источника социальной власти: идеологические, экономические, военные и политические отношения — составляют «IEMP model» М. Манна — аббревиатура, соответствующая первым латинским буквам выделяемых источников власти (на русском приобретающая вид «модели ИЭВП»). Графически данная модель может быть представлена следующим образом (см. рис. 1).

Сила идеологической власти обязана трем обстоятельствам: невозможности понять мир и смысл жизни в нем исключительно при помощи чувственного опыта; нормам, т. е. разделяемым большинством представлениям о том, как люди должны поступать в соответствии с моралью в их отношениях друг с другом в качестве необходимого условия любой кооперации; эстетическим практикам и ритуалам. Ряд определенных понятий «идеология» предполагает, что знания, которые она дает, являются ложными и/или что она всего лишь инструмент сокрытия материального господства. Манн не вкладывает этих смыслов в свое представление об идеологической власти, предпочитая понятие «идеология» более аморфному понятию «культура».

Выделяются два типа организаций идеологической власти — трансцендентная и имманентная в социальном и пространственном отношениях организации. Имманентная идеология усиливает эмоциональную и моральную солидарность уже существующих сетей власти, она мало экстенсивна. Примером роли имманентных идеологий в аграрных обществах служит рост классового сознания и сплоченности правящих классов древних империй: Ассирийской, Персидской, Римской. Трансцендентные идеологии, напротив, предполагают выход за пределы уже существующих сетей власти, непреодолимое отделение «священного» от «профанного» (в дюркгеймовском смысле), морально-нравственного от безнравственного, доброе от злого, человека от не-человека и т. д. Трансцендентные идеологии предполагают появление новых универсальных акторов, организаций и сетей власти, которые, как правило, шире существовавших до того. Примером всемирно-исторического воздействия трансцендентальных идеологий служат мировые религии, возникшие в «осевое время». Отвечая критикам, М. Манн (Mann 2006: 346) вводит третий тип идеологической организации — «*институционализированные идеологии*», консервативные идеологии, зачастую скрытые внутри институтов, которые обычно воспринимаются как сами собой разумеющиеся или на подсознательном уровне (например, патриархат).

Экономическая власть проистекает из удовлетворения жизненно необходимых потребностей через социальную организацию извлечения, трансформации, распределения и потребления объектов природы. «Группировка, оформляющаяся вокруг этих задач, называется *класс*» (Mann 1986: 24). Экономические отношения потому столь могущественны, что они объединяют интенсивную

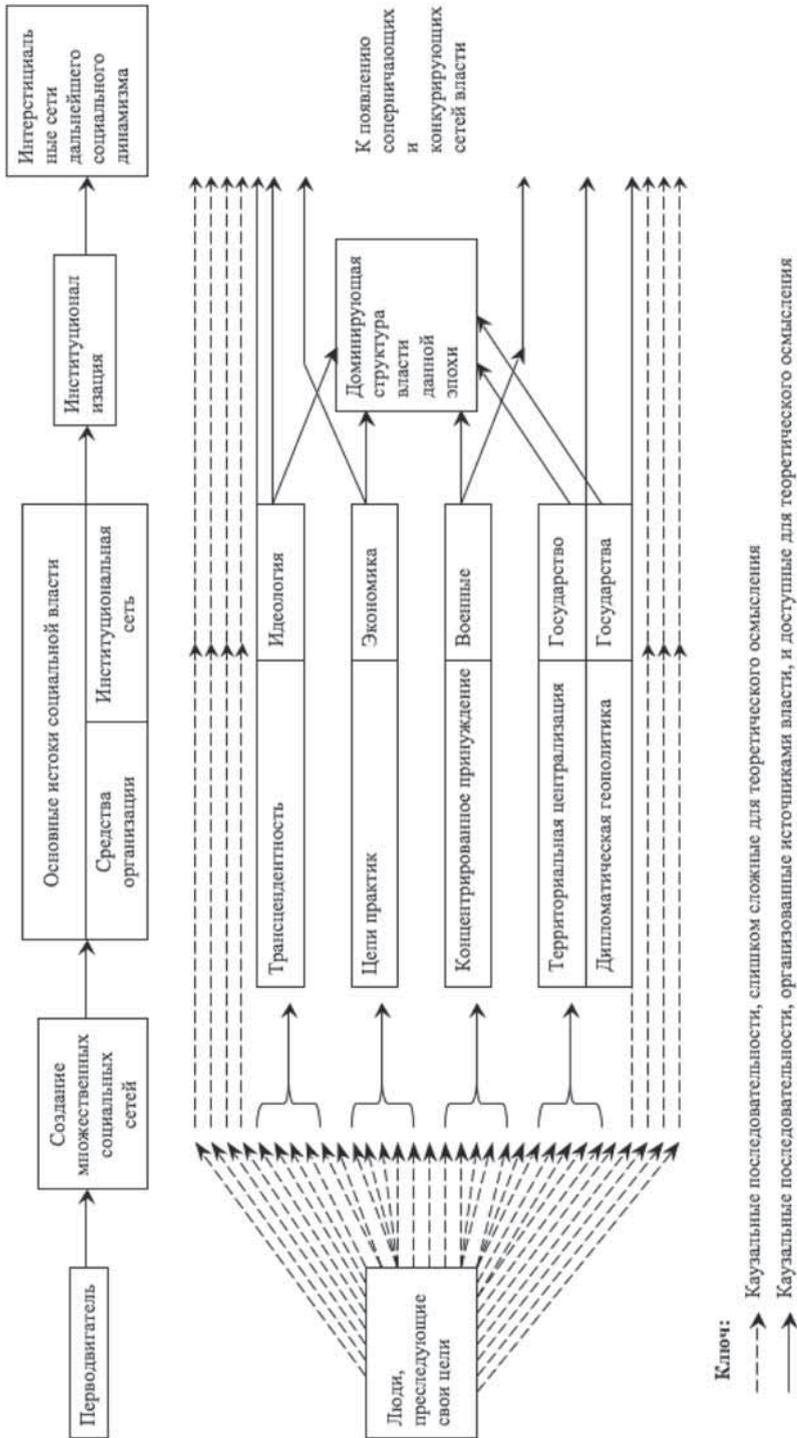

Рис. 1. «Модель ИЭВП» М. Манна
Источник: (Mann 1986: 29)

мобилизацию труда с крайне экстенсивными циркулирующей капитала, торговлей и производственными цепями. Отношения экономической власти могут быть как авторитетными, так и диффузными. Примером первого выступает храмовая экономика или корпорация; второго — рынок. Промышленный капитализм в качестве самой экстенсивной организации модерна смешивает обе характеристики.

Одной из основных задач своей теории Манн видит компенсацию недостаточного внимания к причинно-следственной роли военной власти в социологических теориях. Манн отделяет военную власть от политической, чего, как правило, не делают марксисты, определяющие государство через монополию на средства принуждения. Военную власть социолог определяет как «социальную организацию концентрированного и смертоносного насилия». «“Концентрированное” означает мобилизованное и сфокусированное; “смертоносное” — значит направленное на физическое уничтожение» (Mann 2012: 11). Она проистекает из необходимости организации физической защиты и использования ее для агрессии. «Неподчинение означает смерть» — вот имплицитный девиз военной власти, который, разумеется, не применим в политике.

За редким исключением, военная власть, как правило, авторитетна и экстенсивна. Вслед за О. Латтимором (Lattimore 1962) Манн полагает, что в течение весьма продолжительного периода древней истории экстенсивная интеграция сетей власти зависела в основном от военных, а не от экономических или иных факторов. На протяжении древней истории максимальная дистанция, которую фактически могла преодолеть армия, составляла около 90 км — ограниченный плацдарм для интенсивного военного контроля над большими пространствами.

Для измерения силы авторитетной власти Манн в целом опирается на логику, военную науку о передвижении людей и продовольствия во время военной компании. Военная логистика предлагает прекрасное средство исследования внешних диапазонов сетей власти, приводя к фундаментальному заключению о феодальной, не жесткой, конфедеративной природе экстенсивных до-индустриальных обществ. Образы унитарных, высоко централизованных аграрных имперских обществ, созданные такими исследователями, как К. Виттфогель (Wittfogel 1957) или Ш. Эйзенштадт (Eisenstadt 1963) логистически не обоснованы. Внимание, уделяемое социологом военной власти во всех его томах, едва ли возможно переоценить.

Наконец, «политическая власть проистекает из целесообразности централизованной, институционализированной, территориальной регуляции ряда аспектов социальных отношений» (Mann 1986: 26). В отличие от прочих источников власти, она с необходимостью централизована и локализована. Организация политической власти двойственна в социально-пространственном отношении. Внутренне она сводится к централизованному и территориально ограниченному регулированию и принуждению, то есть к *государству*. Во внешнем отношении она выступает в виде *геополитической дипломатии*, подразделяемой на жесткую и мягкую геополитику.

Одной из центральных тем «Источников» является рост мощи и трансформация государств на протяжении всей истории, а также влияние, оказываемое

этим процессом на все прочие организации власти. В силу этого на Манна часто неоправданно указывают как на сторонника государство-центричного теоретизирования («state-centred theory») (см. Tarrow 1994; Mulhall 1995; Goodwin 1997). Изначально возникновение и рост государств были связаны с ростом поборов материальных и людских ресурсов для военных целей. Усиление государств способствовало запиранию в клетку в социально-пространственном отношении людей, а также сетей их власти. Э. Гидденс описывает этот процесс как формирование «контейнера власти» («power container») (Giddens 1985), М. Манн предпочитает более жесткую метафору «клетки» («cage»).

Государственную власть М. Манн разделяет на деспотическую (или власть «над») и инфраструктурную власть (власть «через» общество) (см. Mann 1984). «Деспотическая власть — это способность государственных элит выносить произвольные решения, не консультируясь с представителями основных групп гражданского общества. *Инфраструктурная власть* — это способность государства (неважно, деспотического или демократического) к реальному проникновению в общество и осуществлению логистических политических решений на этой основе» (Mann 1986: 170–171). Возникновение современного государства связано именно с ростом инфраструктурной власти и, как правило, снижением власти деспотической. Проникая при помощи различных инфраструктур власти вглубь гражданского общества, государство становится более могущественным ценой потери своей «относительной автономии», которая имеет в основном военные корни. Люди, превращаясь из подданных в граждан, также получают больше коллективных возможностей ценой запирания в клетку.

Еще одним важным следствием отказа от унитарной концепции общества и замены ее социально-пространственной и организационной моделью накладывающихся друг на друга и пересекающихся сетей власти выступает теория «интерстициального возникновения» («interstitial emergence»), которую можно рассматривать как теорию социального изменения М. Манна. «Интерстициальный» — одно из центральных понятий М. Манна, происходящее от лат. *interstitium* «расстояние, промежуток, зазор», означает «интерстициальный, промежуточный, внутритканевый, относящийся к промежуточным пространствам». При помощи понятия «интерстициальное возникновение» он описывает процесс возникновения новых организаций власти, в ходе которого они не возникают из прежних, не развиваются из них, но долгое время существуют в них или на границе с ними в зачаточном виде (как нереализованный сценарий некоторого социального события или конфликта), получая развитие и выходя на центральный план при определенных, зачастую случайных условиях. Возможность интерстициального возникновения обусловлена несовпадением сетей власти, несовершенством перехода человеческих целей в организационные средства, некогерентностью институтов и функций.

В действительности общественные «институты» и «функции» всегда менее упорядочены и когерентны, чем то хотят представить социологические теории. Теории упрощают множество человеческих целей, отношений, совпадающих и не совпадающих организационных средств, отбирая только те из них, которые более «могущественны», чем другие, и которые поэтому должны определять форму и природу социальных структур в целом. Именно это упрощение высту-

пает источником представления о когерентности компонентов общества и его унитарности. Напротив, используя метафору «промискуитета» институтов и функций, Манн выступает сторонником умеренной теории «путаницы и недоразумений» («cock-up-foul-up theory») в структурировании общества. (Наиболее отчетливо это выражено в его полиморфной теории происхождения современного государства: «Государство — это не сговор, а путаница. <...> Государство есть не нечто функциональное, а сплошное недоразумение» (Mann 1993: 53). Последнее также означает, что, по мнению Манна, «чистых» организаций не существует в принципе. Всякая организация, как правило, смешивает несколько источников власти, а в большинстве своем — все четыре. Подобная «мешанина» снова и снова вызывает витки интерстициального возникновения.

Интерстициальное возникновение легко продемонстрировать на широко известном марксистском примере возникновения буржуазии «в порах феодального общества». По мнению Манна, так возникла не только буржуазия, а все социальные образования. Общества никогда не были в достаточной степени институционализированными, интегрированными для его предотвращения (как полагают сторонники унитарных концепций общества). «Институционализация не является движущей силой человеческого общества. История проистекает из беспокойных источников, которые генерируют различные сети экстенсивных и интенсивных отношений власти. Эти сети имеют более прямое отношение к достижению цели, чем к институционализации» (Mann 1986: 15). Но у погони за целями всегда есть непредвиденные последствия, провоцирующие «интерстициальное возникновение».

То, что социологи привыкли считать фундаментальными паттернами истории, в действительности выступает по большей части непреднамеренными последствиями действий. «Социальное изменение — это результат взаимодействия между институционализацией старых и интерстициального возникновения новых сетей власти между ними» (Mann 1986: xii). Корректируя веберовскую метафору стрелочника (религий, которые, подобно стрелочнику, определяют, по какому пути идти общественному развитию), Манн использует метафору путеукладчика, чтобы объяснить интерстициальное возникновение. Пока нет путей (организаций власти), невозможно выбрать и направление. Путеукладчик (или интерстициальное возникновение) объединяет момент прокладки новых путей и выбора между ними. Причем выбор пути может быть как осознанной стратегией («strategy»), так и произвольным скатыванием («drift»).

Кратко рассмотрим изложенную в четырехтомнике историю роста коллективной власти, которая, по мнению М. Манна, в целом тождественна истории человеческих обществ, а также теоретические конструкции, разработанные Манном в процессе ее анализа. Отметим, что это не сплошная всемирная история, а история так называемых «передовых фронтов власти» («leading ages of power»), т. е. тех «обществ», цивилизаций и государств, где в результате интерстициального возникновения происходили резкие количественные и качественные скачки человеческих возможностей.

Последовательность шагов, с помощью которых М. Манн выстраивает свою историческую социологию, нижеследующая. Во-первых, к минимуму

сводится число рассматриваемых стран и регионов, осуществляется фокусировка на «передовом фронте власти». Манн утверждает, что социология должна быть исторической, но не всегда сравнительной, в силу малого количества сравнимых кейсов, что не исключает сравнения полностью, как восприняли это ряд критиков. Во-вторых, проводится анализ существующих социально-исторических исследований, посвященных отобранным «передовым фронтам». Этот анализ прекращается, когда каждое последующее исследование добавляет лишь незначительные детали или улучшения к тому или иному теоретическому доводу применительно к кейсу. В-третьих, происходит постоянное зигзагообразное перемещение от теории к историческим данным и обратно: сначала развивается общая идея, затем осуществляется ее проверка и корректировка историческими данными, и затем снова возвращение к теории, потом снова к данным и т. д.

Первый том посвящен истории власти в аграрных обществах: возникновению цивилизаций, собственности, государств, неравенства, империй, мировых религий и средневековой системы европейских государств. Манн отказывается от эволюционной истории, которая, по его мнению, существовала лишь до неолитической революции. Релевантность эволюционных объяснений применительно к последующим событиям заметно сокращается. После возникновения цивилизаций (что было крайне редким событием) одни организации власти продолжают развиваться различным образом, другие — прекращают развитие, переходя к циклическим изменениям, третьи — регрессируют. Примером последнего служит мегалитическая цивилизация в Англии.

Большинство первых цивилизаций появлялись в долинах рек и практиковали аллювиальное земледелие. Однако рост цивилизации Манн увязывает не столько с подобным типом земледелия (значимостью которого он, конечно, не пренебрегает), сколько с ростом коллективной власти и «запиранием» сообществ с возросшими возможностями в клетку — необходимая цена, которую людям приходится платить. Торговля также улавливалась в клетку: чем большими были ее объемы, тем более фиксированной в территориальном отношении она становилась. Цивилизацию составляли три сети власти с несовпадающими границами: аллювиальное ядро, ближняя периферия и регион в целом. Первые две оформляли города-государства, последняя — экстенсивные границы цивилизации в целом. Цивилизация предполагала государства и неравенство — те устойчивые отношения власти, которых удавалось избежать охотникам и собирателям. Свои выводы о возникновении цивилизаций, сделанные на основе Древней Месопотамии, Манн проверяет в ходе сравнительного анализа первых цивилизаций: индской, шанской, Древнего Египта, минойской, цивилизаций майя, ацтеков и инков.

Возникновение государств было следствием аккумуляции и централизации ресурсов ирригационного центра. Первые крошечные города-государства не могли использоваться для контроля над экстенсивными территориями. Чем больше ресурсов накапливалось, тем большей защиты они требовали, что способствовало развитию военных технологий, которые, в свою очередь, через торговлю распространялись к пограничным народам и цивилизациям. Манн также подчеркивает роль письменности и храмов в запирании населения

в клетку и возникновение государства. Храмы были декорированными хранилищами, а их служители — в большей мере клерками, чем жрецами. Письменность не только служила имманентной идеологией господствующей группы, но также фиксировала меновую стоимость различных товаров, способствуя развитию диффузной торговой власти, регулировала отношения между коллективной собственностью и государством, фиксировала долги, закрепляя неравенство.

Цари происходили от военных вождей, выбираемых на определенное время олигархическим собранием города. Превращение договорных авторитетных правителей в постоянную принудительную власть было редким событием и происходило по мере роста военных вызовов. Кроме того, фигура военного вождя сосуществовала с фигурами храмовых чиновников, которые совмещали ритуальные и административные роли. Первые государства были и функциональными (защита населения и торговли), и репрессивными, способствуя возникновению классов, т. е. «институционализации обладания землей и/или экономическими излишками одних и лишению средств к существованию других». Причины происхождения неравенства были интерстициальными, объединяя в себе «внутренние» и «внешние» факторы: различную плодородность почв, различную значимость выполняемых функций и рабство в результате завоеваний, торговлю, разное этническое происхождение господствующих и подчиненных классов и т. д.

Первооткрывателями древних империй были «военные вожди пограничий», высокогорные соседи аллювиальных долин. Чем больше передовых технологий власти институционализировал аллювиальный центр, тем сильнее становились и военные вожди пограничий. Граница между центром и периферией стиралась. Для шумеров «интерстициальным сюрпризом» стали аккадцы. Первой исторической империей стала «империя доминирования» Саргона Аккадского. Манн интерпретирует ее происхождение, основываясь на специфике ведения доисторических военных компаний, ограниченных экстенсивных возможностях военной власти и, прежде всего, возможностей снабжения армий. Процесс завоевания по большей части представлял собой «федерально» организованное продвижение отдельных сборных отрядов, за которым следовали переговоры и «внутренняя измена» со стороны защитников городов-государств. Атакующие должны были вести переговоры быстро, чтобы армия могла продвигаться дальше к новым возможностям пополнения запасов. Это был куда более мирный процесс, чем хотят представить древние эпосы. Победенные пополняли армии победителей. Ключевую роль в снабжении армии играло направление течения реки, вдоль которой располагались «воюющие» города-государства.

Однако политическая власть древних императоров типа Саргона была куда менее экстенсивной, чем военная власть: «Можно создать империю, сидя верхом на коне, но нельзя управлять империей, сидя верхом на коне». Все империи сотрясала диалектика централизации — децентрализации. Фактически «государством» Саргона Аккадского была его армия в 5 400 человек, вместе с которой он принимал пищу, и этот центр был мобильным. Дилемма заключалась в том, что военная сила зависела от военных вождей пограничий, а снабжение

армии от ирригационного ядра. Эти противоречия разрушали древние империи.

Манн выделяет четыре вида наведения порядка и управления древними империями, примерно соответствующих его четырем источникам социальной власти: управление через правителей-клиентов из числа завоеванных местных элит; управление напрямую через армию; принудительная кооперация; сплоченная культура правящего класса. В распоряжении «империй доминирования», в отличие от «территориальных империй», были только две первые стратегии, не требующие особенных ресурсов. Но военные наместники либо растворялись через браки в местном населении, либо, как и правители-клиенты, поднимались на восстания всякий раз, как только власть центра ослабевала. «Империи создавались при помощи завоеваний, разрушались, вновь завоевывались, разрушались и так далее» (Mann 1986: 161).

Первыми древними империями, опиравшимися также на большую культурную сплоченность ее правителей, были Персия и Ассирия. Экстенсивной имманентной идеологией персидского правящего класса служил зороастризм, которому, тем не менее, не хватало интенсивности, ассирийского — милитаристический квазинационализм («ассириец» означало «священный»). Персидская имманентная идеология была инклюзивной по отношению к завоеванным местным элитам, ассирийская — эксклюзивной. Однако единственной территориальной империей древности, развившей принудительную кооперацию и сплоченную культуру до наивысшего уровня, был Рим.

Манн заимствует понятие «принудительной кооперации» у Г. Спенсера, чтобы подчеркнуть, что экономические структуры всех древних империй не были отделены от военных и государственных структур, проникая друг в друга. Принудительная кооперация — «это такие экономические отношения, которые позволяют увеличить излишки, добываемые из природы, путем государственного поддержания единства экономики ценой извлечения определенной доли излишков» (Mann 1986: 146). Но эти прибыли выступают исключительно результатом возрастающего принуждения в экономике в целом — репрессии и эксплуатации неотделимы от более или менее общей пользы. Доля принудительной кооперации была во всех древних империях, но в Римской империи она выросла в то, что Манн называет «военным кейнсианством» или «легионерской экономикой».

После военной реформы Гая Мария 109 г. до н. э. легионеры в качестве экипировки помимо оружия стали носить на себе (отказавшись от обоза, что повысило их мобильности) и гражданские инженерные инструменты, при помощи которых они систематически наводили порядок на завоеванных территориях, строя коммуникации, укрепления и склады. Благодаря этому сельскохозяйственные излишки и численность населения покоренных территорий начинали расти. Легионы были производительными, а потому их потребление запускало своего рода «военное кейнсианство» на вновь завоеванных территориях империи. Об этом же свидетельствует монетарная система Рима, где золотая монета чеканилась для оплаты государственных военных нужд и взимания налогов, а не для удобства повседневного обращения. Сплоченность Рима также обеспечивалась интеграцией его правящего класса, имманентной идеологией,

которой служили грамотность и эллинистическая культура высшего класса. Кроме того, со временем римляне непреднамеренно пришли к изобретению экстенсивного территориального «полугражданства», ценой которого стала потеря той интенсивной политической сплоченности граждан, которая позволила одержать верх над Карфагеном на заре римской истории.

Империи «принудительной кооперации» сыграли важную роль в развитии коллективной власти людей начиная примерно с 2300 до н. э. до 200 г. н. э. Они не могли возникнуть прежде, т. к. не существовало инфраструктур (рабского труда, военной логистики и т. д.), на которых они базировались. Они устарели с возникновением более развитых технологий диффузной власти, в основе которых лежали религии спасения. Параллельно империям существовал другой тип экстенсивной организации — «цивилизации с множеством акторов власти». Диалектика двух этих типов представляется одним из центральных сюжетов развития власти в аграрных обществах. Многие из великих цивилизаций попеременно принимали одну из этих форм, более того — сами типы смешивались. Они не были попеременно причинами и следствиями друг друга, скорее они интерстициально существовали друг в друге. Диалектика централизации/децентрализации империй выявляла в ней черты цивилизации с множеством акторов власти, и наоборот, кристаллизация гегемона в цивилизации с множеством акторов власти выявляет в ней имперские черты.

Неоценимый вклад в развитие коллективной власти внесли такие цивилизации с множеством акторов власти, как Финикия и Греция. Фундаментальными инновациями власти Финикии были чеканка монеты, письменность, а также экстенсивная морская власть финикийцев. «Империи доминирования не принесли заметных изменений в клинопись и иероглифическое письмо» (Mann 1986: 192). Упрощение письма в Финикии из необходимости перевода между различными торговыми народами, напротив, привело к упрощению обучения грамотности, открыв дорогу развитию классового сознания и инклюзивного гражданства правящего класса. Достижения греческой цивилизации едва ли нуждаются в перечислении. Манн особенно подчеркивает греческую фалангу гоплитов, воплотившую в себе военные инновации (снаряжение, строй), которая способствовала возникновению интенсивной идеологической власти внутри фаланги, усилив гражданские обязательства крестьян перед конституционно-территориальным городом-государством. Несовпадение греческих сетей власти сделало ее частью Македонской империи. Несовпадение интенсивного гражданства со слабой, не жестко связанной федерацией Эллады привело к Пелопонесской войне. Нераспространение крайне гуманистической греческой философии на не-эллинов оправдывало рабство, которое в свою очередь делало классовый конфликт все более экстенсивным.

С падением Рима, оригинальное и синтетическое объяснение которого предлагает Манн, «передовым фронтом власти» в форме цивилизации с множеством акторов власти стали христианская ойкумена и затем Европа с множеством конкурирующих государств. Противоречия Рима стали факторами роста христианской цивилизации, которая предложила пути их разрешения. Христианство, как и прочие трансцендентальные идеологии, возникло интерстициально в качестве основного носителя универсальных, эгалитарных, децентрализо-

ванных, космополитических и несущих цивилизацию практик и ценностей. Трансцендентальные идеологии способствовали широкому и эгалитарному распространению гражданства, идентичности и грамотности, а также нормативному наведению порядка.

«Религии книги» предложили «двухступенчатую инфраструктуру грамотности»: письменные сообщения передавались между ключевыми индивидами в каждой локальности, а уже от них транслировались ниже при помощи устных средств. При этом парадокс мировых религий в качестве трансцендентальных идеологий заключался в том, что они нуждались в инфраструктурах империй, которые они подтачивали, поскольку сами они представляли собой не более чем сообщение. Для подкрепления этого тезиса Манн осуществляет сравнительный экскурс в историю мировых религий, уделяя особое внимание сравнению христианства и индуизма.

«Индуизм иллюстрирует собой апофеоз социальной власти, которая может быть достигнута религией спасения. В конце концов, искреннее отрицание мира в пользу спасения приводит к быстрому коллапсу социальной жизни» (Mann 1986: 361). В обмен на поразительный нормативный консенсус, какого никогда не было даже среди римских граждан или греческих гоплитов, индусы получили упадок всех прочих инфраструктур власти, прежде всего политической. Индуистская цивилизация была скорее не «ойкуменой», подобно христианской или исламской, а «религиозным феодализмом». С индусами произошло то же, что с охотниками и собирателями, и это быстро вскрылось при столкновении с более могущественными ресурсами власти: промышленным капитализмом и национальным государством, которыми обладали европейские колонизаторы.

К счастью для Европы, христианству не удалось достичь аналогичных высот трансцендентальной идеологической власти, рано столкнувшись с противоречиями священной и мирской политической власти, транснационализма и локализма. В результате римские инфраструктуры власти не были уничтожены полностью, они скорее были заняты племенами завоевателей, с которыми христианская ойкумена заключила союз. В обмен на утрату части римского наследия феодальные государства получили нормативный порядок на международном уровне, а также традицию грамотности, избирательно предоставляемую христианской церковью. Последнее способствовало натурализации подданных феодальных государств, политизируя классовый конфликт. Символом развития технологий экстенсивной власти в Римской империи было использование арки в строительстве мостов и акведуков для покорения горизонтального пространства. Средневековье, напротив, использовало ту же самую римскую арку для строительства величественных кафедральных соборов, покоряя вертикальное пространство. Если ключевые римские технологические изобретения были экстенсивными, то европейские — интенсивными (метафора глубины): тяжелый плуг, трехпольная система, подковка лошадей и новые методы упряжи скота, а также мельницы.

Наступление промышленного капитализма подготовили три этапа европейской феодальной динамики. (Необходимо отметить, что под капитализмом, как и под феодализмом, Манн также понимает множество пересекающихся

сетей идеологической, военной/политической и экономической власти, а не способы производства). На первом интенсивном этапе, 800—1155 гг., благодаря вышеупомянутым изобретениям произошла интенсификация сельского хозяйства, а также частичная институционализация прав частной собственности землевладельцев. К концу периода Европа состояла из множества децентрализованных федераций деревень, поместий и мелких государств, слабо связанных воедино нормативным порядком христианства. На этом этапе интенсивный динамизм европейской цивилизации оставался скрытым внутри локальных сетей власти. Второй этап, 1155—1477 гг., примечателен ростом «координирующих государств», который М. Манн фиксирует на основе исследования государственных финансов Англии. Последние росли особенно сильно во время войн и никогда не снижались до довоенных уровней после. Координирующие государства — это сословно представительные монархии, в которых король правит, совещаясь с собраниями высших сословий, и разделяет с ними одну и ту же диффузную национальную/классовую идентичность. В основе роста координирующих государств лежит увеличение инфраструктурной власти. «Постоянная координация предполагала устойчивое, “универсальное” территориальное государство в большей мере, нежели частные феодальные отношения вассалитета к их правителю» (Mann 1986: 445). В качестве финальной даты периода избран 1477 г., поскольку он отмечен распадом последнего великого «феодального» государства, герцогства Бургундии, которое представляло собой не-территориальную альтернативу территориальным, координирующим государствам типа Англии. На третьем этапе европейской динамики, 1477—1760 гг., возникли международный капитализм и органические национальные государства — изначально интенсивный европейский динамизм стал экстенсивным. Координирующие государства превратились в органические отчасти благодаря «военной революции», отчасти — натурализации населения под воздействием стандартизации языка и книгопечатания. Координация самых могущественных групп гражданского общества фактически ничего не стоила государству, тогда как «военная революция» потребовала дополнительных финансовых и человеческих ресурсов на более продолжительный срок, а это подразумевало сотрудничество с более широкими группами власти гражданского общества. Возросшая инфраструктурная власть органического государства положила конец нежестко связанным территориальным федерациям феодальных государств. Реформация покончила с основной транснационализирующей организацией католической церкви и поспособствовала стандартизации национальных языков и грамотности: если на первом этапе разные сословия говорили на разных языках от латинского до разных европейских языков и диалектов, то теперь большая часть населения говорила на одном национальном языке. Международная торговая и колониальная экспансия также укрепили территориальные клетки органических государств. Торговля зависела от государственного регулирования, доминировавшей экономической идеологией третьего этапа был меркантилизм. «К 1815 г. этот [европейский] динамизм высвободился наружу по всему миру, и стало очевидно, что именно эта цивилизация является самой могущественной в интенсивном и экстенсивном смысле из всех, что видел мир до сих пор» (Mann 1986: 500).

Несмотря на огромный исторический охват и внимание к деталям, Манн предлагает ряд общих исторических паттернов власти в аграрных обществах. Во-первых, власть развивалась и возматала, хотя и не устойчиво и не кумулятивно. Конкретизации этого служит перечень важнейших «скачков власти», увеличивших коллективные возможности человечества с ок. 3000 г. до н. э. до 1600 г. н. э. (см. Mann 1986: 525). Второй паттерн касается уже упомянутой выше диалектики империй и цивилизаций с множеством акторов власти. Могущество различных исторических экстенсивных властных организаций в целом едва ли сравнимо. Например, Рим на вершине своего расцвета был могущественнее Древней Греции в военном и экономическом отношении, но едва ли в идеологическом и политическом. В-третьих, на протяжении истории аграрных обществ наблюдалось смещение передового фронта власти с юго-востока на северо-запад. Этот тезис лишний раз подчеркивает, что развитие не может быть объяснено в терминах имманентных тенденций общества или иных территориальных единиц.

Во втором томе «Источников» (Mann 1993), охватывающем период от промышленной революции до Первой мировой войны и сконцентрированном на сравнительном анализе Франции, Великобритании, Австрии, Германии и Соединенных Штатов, представлена теория роста трех основных социальных организаций эпохи модерна: классов и наций-государств. Предложена теория полиморфной кристаллизации государств модерна в зависимости от тех функций, которые они выполняют, теория конфликта индустриальных и аграрных классов с подчеркнутой ролью преобладавших в той или иной стране политических кристаллизаций государства. Наконец, сформулирована теория натурализации населения в граждан, а также выявлены классовые и групповые истоки национализма. Манн подразделяет исследуемый период на два этапа: 1760–1816 гг., когда в структурировании обществ доминировали отношения экономической и военной власти; 1815–1915 гг., когда в структурировании обществ начинают преобладать отношения экономической и политической власти. «Мир становится более государство-центричным» (Mann 1993: xii), поскольку государство из военного под воздействием классовой борьбы, войны и модернизации превращается в дуалистическое — военно-гражданское.

В третьем томе (Mann 2012) анализируется то, как глобализации (их множественность — принципиальная позиция М. Манна), начавшиеся с развитием транснационального промышленного капитализма, были отсрочены в результате развития глобальных империй. Концептуализируются основные формы глобальных империй и осуществляется сравнение кейсов: Британской, Японской и Американской империй. На страницах тома осуществлен также анализ крупнейших турбулентностей периода — мировых войн, революций и Великой депрессии. Еще одним центральным процессом периода 1890–1945 гг. выступает развитие социального гражданства и формирования государства всеобщего благоденствия, выявляющие причины поражения фашистской и советской альтернатив. В четвертом томе (Mann 2013) исследуются три основных формы глобализации после Второй мировой войны и до наших дней: капитализм, национальные государства и единственная оставшаяся глобальная империя, США. Эти формы глобализации взаимодействуют и трансформируют друг

друга. В томе также осуществляется анализ трех глобальных кризисов, угрожающих современному мировому порядку — ядерное оружие, «великая неолиберальная рецессия» 2008 г. и климатические изменения. Там также предложено заключение о роли четырех источников власти в разные исторические периоды, а также о том, что ни один из источников социальной власти не детерминирует все прочие. «В отличие от Вебера, я все же предпринимаю попытки значимых обобщений, но, в отличие от Маркса, я не претендую на выявление первопричин» (Mann 2013: 427).

В современной социологии, в отличие от классической, построение более или менее общих и исторически фундированных гранд-теорий стало крайне редким, а во многом и утопичным предприятием. Подводя итог, отметим еще раз те особенности исторической социологии власти Манна, которые сделали возможным это крайне амбициозное по историческому охвату аналитическое исследование и выделяют его среди прочих. Во-первых, отказ от социологической ортодоксии: переход от унитарных представлений об «обществе» к ортогональным «сетям власти»; отход от эволюционизма к «интерстициальному возникновению», описывающему неустойчивое, ненаправленное и во многом непреднамеренное развитие возможностей человечества. Во-вторых, зигзагообразный метод построения исторической социологии Манна (от теории к данным и обратно или наоборот), отличающий ее от прочей исторической социологии и того, как она обычно «делается». Это вызвало широкое непонимание и неприятие как со стороны коллег, исторических социологов (Moore 1988), так и со стороны «чистых» историков и социологов (Goldthorpe 1991; Mann 1994). Исследование Манна, строго говоря, не попадает ни в одну из трех категорий историко-социологических исследований, столь удачно выделенных Скочпол и Сомерс (Skocpol, Somers 1980). (Хотя скептик с уверенностью возразит, что это «параллельная демонстрация теории» в их категориях). Многие отметили неовеберианский характер подхода Манна, но мало кто — связанное с этим неокантианство. Что неудивительно, учитывая напластование определений, которые пытались дать его подходу сам автор, комментаторы и критики: «структурно-символический интеракционизм» (Mann 1986), подчеркивающее комбинации креативного действия групп и институционального развития; «организационный материализм» (Anderson 1990), подчеркивающее организационный и материальный характер теории, а не идеальный характер рассматриваемых ею организаций. Манну даже пытались приписать постмодернизм и деконструкцию истории и общества, которая выявляет лежащую в основании их власть (Shad 1989). Нижеследующие цитаты как нельзя лучше демонстрируют неокантианство зигзагообразного метода Манна: «эмпирические данные сами по себе не имеют смысла. Необходимо привести теории, чтобы придать им смысл. Историки обычно делают это имплицитно; я предпочитаю делать это эксплицитно. С другой стороны, позитивистские теории всегда оказываются намного проще социальной реальности» (Mann 1986: xi). Отказываясь от теории, историки запирают себя в понятиях здравого смысла современных им обществ, которые следует преобразовать в эксплицитную и проверяемую теорию. Социологов Манн призывает к отказу от «датафилии» (чрезмерной любви к данным и манипуляциям с ними) и мужеству признания постоянной исто-

ричности не только обществ прошлого, но и современных обществ. «Реальный мир (исторический или современный) беспорядочен и задокументирован несовершенен, а теория требует четких форм и полноты. Многое вообще не может быть точным. Слишком пристальное внимание исследователя к фактам делает его слепым; чрезмерное вслушивание в ритмы теории и мировой истории — глухим» (Mann 1986: xxvi).

Литература

Кимелев Ю.А. Реф. на ст. Манна М. Общества как организованные сети власти // *Современные социологические теории общества*. М., 1996: 24–32.

Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // *Политические исследования*, 2000, 1: 97–107.

Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты. Пер. с англ. М.В. Масловский // Масловский М.В. *Социология политики: классические и современные теории*. Учебное пособие. М.: Новый учебник, 2004: 109–119.

Манн М. *Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*. М.: Пятый Рим, 2016.

Холл Дж. Вступление // Манн М. *Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014: 7–16.

Anderson P. A Culture in Contraflow-I. *New Left Review*, 1990, 1(180): 41–78.

Bryant J. Grand, yet Grounded: Ontology, Theory and Method in Michael Mann's Historical Sociology, in: *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*. Ed. by J.A. Hall and R. Schroeder. Cambridge: Cambridge University Press, 2006: 71–98.

Eisenstadt S. *The Political System of Empires*. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1963.

Giddens A. *Central Problems in Social Theory*. L.: Macmillan, 1979.

Giddens A. *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity Press, 1985.

Goldthorpe J.H. The Uses of History in Sociology: Reflections on Some Recent Tendencies. *British Journal of Sociology*, 1991, 42(2): 211–230.

Goodwin J. State-Centered Approaches to Social Revolutions: Strengths and Limitations of a Theoretical Tradition, in: *Theorizing Revolutions*. Ed. by J. Foran. N.Y.: Routledge, 1997: 11–37.

Jacoby T. Method, Narrative and Historiography in Michael Mann's Sociology of State Development. *The Sociological Review*, 2004, 52: 404–21.

Lattimore O. *Studies in Frontier History*. London: Oxford University Press. 1962.

Mann M. *Workers on the Move*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

Mann M. *Economic Determinism and Structural Change*. University of Essex, 1974 (unpublished paper).

Mann M. Idealism and Materialism in Sociological Theory, in: *Critical sociology: European perspectives*. Ed. by J.W. Freiberg. N.Y.: Irvington, 1979: 97–120.

Mann M. States Ancient and Modern. *Archives européennes de sociologie*, 1984, 25: 185–213.

Mann M. *The Sources of Social Power, Volume I: A History from the Beginning to 1760 AD*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Mann M. *The Sources of Social Power, Volume II: The Rise of Classes and Nation-States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Mann M. In Praise of Macro-Sociology: A Reply to Goldthorpe. *British Journal of Sociology*, 1994, 45(1): 37–54.

Mann M. *Incoherent Empire*. London: Verso, 2003.

Mann M. *Fascists*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Mann M. *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Mann M. Replay to Critics, in: *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*. Ed. by J.A. Hall and R. Schroeder. Cambridge: Cambridge University Press, 2006: 343–396.

Mann M. *The Sources of Social Power, Volume III: Global empires and revolution, 1890–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Mann M. *The Sources of Social Power, Volume IV: Globalizations, 1945–2011*. Cambridge University Press, 2013.

Moore B. Review of The Sources of Social Power, Vol. I. *History and Theory*, 1988, 27: 169–177.

Mulhall T. Review of The Sources of Social Power, Vol. II. *The British Journal of Sociology*, 1995, 46: 362–363.

Parsons T. *The Structure of Social Action*. N.Y.: Free Press, 1968.

Shad J.A. Mann's Postmodernism. Review of The Sources of Social Power, Vol. I. *Comparative Civilizations Review*, 1989, 21: 119–124.

Skocpol T., Somers M. The Uses of Comparative History in Macro-Social Theory. *Comparative Studies in Society and History*, 1980, 22(2): 174–197.

Tarrow S. Review of The Sources of Social Power, Vol. II, *American Political Science Review*, 1994, 88: 1031–1032.

Wittfogel K. *Oriental Despotism, A Comparative Study of Total Power*. Yale University Press, 1957.

Wrong D. *Power: Its Forms, Bases and Uses*. New York: Harper & Row, 1979.